

Глава 1

Рангун, Бирма, 1936 год

Радостное возбуждение наполнило сердце Белл. Расправив плечи и откинув назад длинные рыжевато-золотистые волосы, она смотрела, как неторопливо приближается Рангунский порт. Подумать только! Город, где рождаются мечты. Силуэт Рангуна, пока еще далекий, приближался с каждой минутой. Ярко-синее небо казалось неправдоподобно огромным — таких небес не бывает. И море, почти темно-синее на глубине, отражало солнечный свет и блестело как зеркало. Присмотрись — и увидишь свое отражение. Сверкал даже воздух, словно солнце творило крошечные вращающиеся кристаллики из влаги, поднимавшейся от воды. Акватория гавани была усеяна качающимися на волнах лодочками. Белл смеялась, слушая шелест крыльев и пронзительную перебранку морских птиц. Шум ей ничуть не мешал — наоборот, усиливал ощущение, что она попала в совершенно иной мир. Как давно она жаждала свободно путешествовать, и теперь ее мечта осуществлялась.

В ушах шумело и звенело. Белл глубоко вдохнула, вместе с воздухом вдыхая каждую частичку этого

удивительного момента, и на несколько минут закрыла глаза. Когда же она снова открыла их, то тихо вскрикнула от изумления. Но ее изумил не бурлящий жизнью порт с высокими кранами, нефтеналивными танкерами, пассажирскими судами и рыбацкими лодками, которые гроздьями покачивались в тени больших кораблей, лесовозами, груженными тиковым деревом. И не внушительные белые здания колониальной архитектуры. Белл зачарованно смотрела на громадное золотистое сооружение вдали. Казалось, оно парит над городом, повиснув в воздухе. Именно парит, словно часть невообразимого рая опустилась на землю. Завороженная блеском золота на фоне кобальтово-синего неба, Белл безотрывно смотрела на это чудо. Разве можно отыскать более захватывающее зрелище? Она ничуть не сомневалась, что влюбится в Бирму.

Увы, идиллию несколько портила гнетущая жара; не сухая, а влажная, отчего одежда вскоре сделалась влажной. Совсем иная, нежели на родине. Но она привыкнет к бирманской жаре, равно как и к воздуху, что пах солью, дымом и царапал горло. Услышав оклик, Белл повернулась и увидела Глорию. С этой женщиной она познакомилась в самом начале путешествия. В розовой широкополой шляпе для защиты от солнца, Глория стояла у борта, облокотившись на релинг. Белл хотела отвернуться, однако Глория вновь ее окликнула, потом взмахнула рукой в белой перчатке и сама подошла к ней.

— Скоро причалим. — Голос Глории, звенящий, как битое стекло, вывел Белл из благоговейного транса. — И как вам пагода Шведагон? Не правда ли, впечатляет? — (Белл кивнула.) — Покрыта настоящим золотом, — продолжила Глория. — Смешные

они, эти бирманцы. Вся страна испещрена святыми местами и золотыми пагодами. Вы шагу не ступите, чтобы не наткнуться на монаха.

— Какой замечательный народ, если они строят такие удивительные вещи.

— Да, пагоды здесь сплошь и рядом. Кстати, мой шофер уже ждет нас в порту. Я подвезу вас до отеля «Стрэнд». Великолепный отель с видом на реку.

Белл взглянула на кожу вокруг глубоко посаженных темных глаз ее новой приятельницы и в который раз попыталась определить возраст Глории. Морщинки ничуть не уменьшали обаяния этой женщины. Скорее эффектная, чем красивая, с внушительным римским носом, четко очерченными скулами и глянцевыми темными волосами, элегантно убранными в пучок у основания длинной шеи... но о ее возрасте оставалось лишь гадать. Вероятно, за пятьдесят.

Речь Глории звучала так, словно она владела всем городом. Женщина с тщательно оберегаемой репутацией и соответствующим лицом. Интересно, как бы Глория выглядела без умело наложенной косметики, искусно подведенных бровей и губ, как у кинозвезды? Неужели жара не расплавит все это?

— Я иногда останавливаюсь в «Стрэнде», если припозднюсь, хотя, естественно, у меня свой дом в Золотой Долине, — продолжала Глория.

— В Золотой Долине? — с нескрываемым любопытством спросила Белл.

— Да. Вам знакомо это место?

Белл покачала головой и после недолгих раздумий решила ничего не рассказывать. Дело не в том, что, кроме названия, она ничего не знала о Золотой Долине. Просто она не была готова говорить на подобные темы с малознакомым человеком.

— Нет. Абсолютно нет, — ответила Белл. — Просто мне понравилось название.

Глория как-то странно на нее посмотрела, и Белл, вопреки желанию, перенеслась мыслями в прошлое. Ее отец умер год назад, и события ее последующей жизни были не из легких. Подруга пристроила Белл в свой книжный магазин. Ничего лучшего не подворачивалось. Но каждую неделю, едва в магазин поступал журнал «Стейдж», Белл жадно набрасывалась на раздел с объявлениями о работе. И наконец — о радость! — она увидела объявление, приглашающее артистов варьете для выступления в лучших отелях Сингапура, Коломбо и Рангуна. Прослушивание проходило в Лондоне, где она провела два тягостных дня, изнывая от волнения.

Белл успела кое-что почитать о городе, в который отправлялась. Она узнала, что Рангун находился под британским владычеством с 1852 года и из городишки с соломенными хижинами превратился в большой процветающий портовый город. И теперь она становилась частью этого города. Пока Глория указывала ей на внушительные правительственные здания, частные дома и магазины, Белл страдала от удушающей жары в автомобиле и мечтала поскорее выбраться на воздух. Глория сказала правду: на улицах повсюду мелькали шафрановые одежды монахов. Им встретилось и несколько женщин, с головы до пят завернутых в светло-розовые одеяния.

— Монахини, — равнодушно пояснила Глория. — Буддийские монахи и монахини. Хотя монахини попадаются гораздо реже.

Продолжая знакомить ее с историей города, Глория рассказала, что «Стрэнд» был первым отелем,

построенным англичанами, и вместе с кварталом на Фэйр-стрит является лучшим местом в деловой части. Белл слушала вполуха. У нее будет предостаточно времени на знакомство с городом. Сейчас ей хотелось лишь ощутить твердую почву под ногами и выпить большой стакан чего-нибудь прохладительного.

— Фэйр-стрит вам понравится, — добавила Глория. — Улица названа в честь первого полицейского комиссара Бирмы. Как и «Стрэнд», тянется вдоль реки. Обсажена чудесными дождевыми деревьями, и, что важнее, здесь сосредоточены все ювелирные магазины и лавки лучших торговцев шелком.

Белл молча провела рукой по вспотевшему лбу.

Машина остановилась перед элегантным портиком, окруженным с обеих сторон раскидистыми пальмами.

— Ну вот и приехали, — сообщила Глория. — Давайте же поспешим под прохладу вентилятора.

Двое молчаливых носильщиков взяли их чемоданы. Швейцар в чалме поклонился женщинам и запахнул массивные стеклянные двери. Просторный, с высоким потолком холл отеля встретил их долгожданной прохладой.

— Берег реки обсажен высоким бамбуком. Люблю смотреть, как река сверкает сквозь листву, — сказала Глория и повернулась к дверям. — Взгляните. — (Белл взглянула.) — Полагаю, вас разместят в одном из небольших номеров в задней части нового корпуса или в мансарде. Ходят слухи, что место, занятое плавательным бассейном, могут переоборудовать под дополнительные номера. Пока этого не случилось и, надеюсь, не случится.

Открыв сумочку из крокодиловой кожи, Глория достала пачку сигарет «Ламберт и Батлер». Взяв сигарету, она предложила и Белл.

— Не могу. — Белл коснулась горла. — Мой голос. Я должна его беречь.

— Конечно. Как-то сдуру не подумала. — Глория помолчала. — Хочу вас предостеречь. На вашем месте я держалась бы подальше от порта и узких прибрежных улочек, особенно когда стемнеет. Там живут китайцы. Настоящий лабиринт, откуда не выбраться. Там вы изрядно рискуете жизнью.

Появился флегматичный краснолицый мужчина с тонкими усиками, судя по виду, служащий отеля, спешащий поздороваться с Глорией.

— Здравствуйте, миссис де Клемент, — произнес он, подобострастно поклонившись и пытаясь скрыть свой шотландский акцент. — О, да вы с прекрасной гостьей. Прошу извинить, что вторгся в ваш разговор, но если вашей спутнице требуется номер, я мигом это устрою.

Повернувшись, он улыбнулся Белл.

— Нет, — ответила Белл, желая прояснить недоумение. — Я не постоянница отеля. Я артистка. Певица.

Мужчина напрягся, а затем, не глядя на Белл, обратился к Глории:

— Миссис де Клемент, вы наверняка знаете, что для прислуги у нас существует своя лестница, и я покорнейше прошу вашу спутницу пользоваться ею.

Глория подняла брови и наградила мужчину изящной, но ледяной улыбкой.

— К вашему сведению, мистер Фаулер, мисс Хэттон не прислуга. Как артистка и, добавлю, моя лич-

ная подруга, она имеет определенные права. Я рассчитываю, что эти права будут соблюдаться.

Властно повернувшись, Глория направилась к стойке администратора.

Фаулер тоже повернулся. Его лицо стало еще краснее. Шепотом, более похожим на шипение, он велел Белл следовать за ним.

— Простите, — прошептала она, чувствуя, что слова Глории лишь испортили ей знакомство с персоналом отеля.

Выведя Белл за пределы холла, мистер Фаулер остановился и вытянулся во весь рост:

— Уверен, вы найдете способ поладить со мной. Запомните: я помощник управляющего и, следовательно, ваш начальник.

Пока он говорил, Белл старалась не улыбаться, глядя на его излишне подвижные брови, будто готовые покинуть его лицо и отправиться в свободный полет. Чувствовалось, этот человек не любит шуток в свой адрес, и потому Белл подавила смехок.

— Моя должность требует иметь глаза на затылке, — натянуто улыбнулся он. — Всевидящее око, так сказать. А по вашему виду не скажешь, что вы из артисток. — (Белл пожала плечами.) — Откуда приехали? Из ближних графств?¹

— Из Челтнема.

— Невелика разница. Уж не знаю, как вы поладите с другими девушками. В основном они из лондонского Ист-Энда. Надеюсь, вы не сочтете, что предложенная работа ниже вашего достоинства.

¹ Общее название графств, примыкающих к Лондону. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— С другими? — нахмурившись, переспросила Белл.

— С танцовщицами. — Помощник управляющего поднял брови и выразительно посмотрел на Белл. — Манерность здесь не в цене.

— Надеюсь, я сумею вписаться, — ответила она, мечтая, чтобы он поскорее отодвинулся от нее.

Ее желание исполнилось.

— У меня не так много времени, чтобы заниматься болтовней, — пробормотал Фаулер.

Завернув за угол, он повел Белл по узкой служебной лестнице. Они поднялись на четвертый, мансардный этаж и попали в тускло освещенный коридор с четырьмя белыми дверями. Возле первой помощник управляющего остановился.

— Это ваша. — Он вручил Белл ключ. — Будете жить вместе с Ребеккой.

Значит, у нее не будет своей комнаты? Это несколько испортило ей настроение, но затем она подумала, что, быть может, вдвоем даже веселее.

Глава 2

Соседку по комнате Белл увидела только утром. Ложась спать, она долго ждала появления Ребекки, но, утомленная дорогой и новыми впечатлениями, заснула. Разбудило ее громкое жужжание. Торопясь начать новую жизнь, Белл села на постели и посмотрела в окно. Пара сердитых насекомых вроде мух отчаянно билась об оконное стекло. Не мешкая Белл откинула тонкое одеяло, спустила ноги на пол, встала и подошла к окну с намерением его открыть.

Стены мансардной комнатки были выкрашены в грязновато-белый цвет. Из мебели — две односпальные кровати, одна — под окном. Едва войдя в комнату, Белл поняла, что та кровать занята, и расположилась на второй. Помимо кроватей, в комнате имелся комод, небольшой письменный стол и шкаф для одежды. Этим меблировка исчерпывалась. Собравшись развесить одежду, Белл открыла дверцу шкафа и обнаружила, что тот плотно забит вещами соседки.

Подойдя к умывальнику в углу, Белл умылась, надеясь, что на жарком бирманском солнце ее бледная кожа не покроется россыпью веснушек. Зеленые глаза с оттенком морской волны, симметричный овал лица, широкий рот и прямой нос. Такая внешность выделяла Белл из толпы и дала ей преимущество во время прослушивания. Прежде чем одеться, она расчесала волосы — пожалуй, главное свое богатство. У матери волосы были несколько темнее, однако Белл не могла полагаться на память. Ведь это было так давно.

Соседка все еще не появлялась. Белл вновь открыла шкаф, надеясь по одежде Ребекки составить представление о характере этой девушки. Многие наряды были из сверкающего красного шелка. Белл сняла с вешалки платье откровенного фасона, намереваясь получше рассмотреть.

Дверь распахнулась, и кто-то ворвался в комнату.

Повернувшись, Белл увидела блондинку среднего роста. Уперев руки в бока, та стояла посреди комнаты и сердито смотрела на нее:

— Что, нравится?

— Да. Симпатичное платье. — Белл широко улыбнулась, не поддаваясь на враждебный настрой соседки.

— Симпатичное? Да оно чертовски потрясающее! Целый месяц на него копила. Так что убедительно прошу его не лапать.

— Прости. Я... — растерянно пробормотала Белл.

Девушка прищурилась:

— Лучше сразу оговорить все правила.

— Да, конечно. Я просто смотрела, куда мне повесить свои вещи.

Девушка покосилась на громадный чемодан Белл:
— Охреть! Ты никак кухонную раковину при-
волокла?

— Это чемодан моего отца, — пожала плечами
Белл, не зная, зачем это говорит.

— Ребекка, — представилась девушка и протяну-
ла руку.

Белл протянула свою:

— Аннабель... но все зовут меня Белл.

— Я танцовщица, — добавила Ребекка. — Нас
четыре.

Белл кивнула. Вид у Ребекки был неряшливый,
косметика вокруг больших синих глаз размазалась.
Нос у соседки был вздернутый, полные губы покрыв-
вал слой красной помады, а облегающее хлопчатобу-
мажное платье почти не скрывало пышную, совсем
не балетную фигуру.

— Должно быть, ты и есть новая певица. Наде-
юсь, петь ты умеешь. А то прежняя была никудаш-
ной. Вечно куксилась, глаза на мокром месте. Да еще
и на руку нечиста. Словом, мерзкая особа. Хорошо,
что убралась отсюда. Правда, мои любимые сережки
прихватила.

— Она по дому стосковалась?

— Почему я знаю? Надеюсь, ты не из нытиков. —
Ребекка внимательно оглядела лицо Белл, словно ища
признаки душевной слабости. — Первый раз вы-
порхнула из дому?

— Нет. Успела пожить в Париже и Лондоне.

Ребекка кивнула:

— А сама-то откуда?

— Из западных графств. Из Челтнема.

— Аристократическое местечко, — усмехнулась
Ребекка.

Белл вздохнула. Неужели всегда будет так? Наверное, стоило соврать и сказать, что она из Бирмингема. Она работала там недолгое время.

— Семья есть? — спросила Ребекка; Белл покачала головой. — Повезло тебе. А у нас дома — мал мала меньше. Я старшая. Конечно, я их всех люблю, но мне было не дожидаться, когда выпорхну из родительского гнезда.

— Может, родные приедут к тебе в гости?

— Нечего и мечтать, — засмеялась Ребекка. — Денег у них нет. Родители бедны как церковные мыши. — (Белл ахнула.) — Пока ты не суешься в мои дела, все у нас с тобой будет тип-топ. Твоя предшественница была из Солихалла. Думала, что лучше нас всех. Вот чего я терпеть не могу... Ладно, мне надо покемарить. Ты собралась по городу поболтаться?

— Вообще-то, я бы предпочла разобрать вещи.

— Я бы предпочла! — усмехнулась Ребекка, пердразнивая речь Белл. — Вот что, птичка певчая, дай мне подрыхать несколько часов, а потом разбирай свою поклажу.

— Хорошо, но сначала мне нужно умыться и одеться.

Ребекка равнодушно пожала плечами.

— Я тебя ждала, — сказала Белл. — Мне казалось невежливым засыпать, не познакомившись. Где ж ты была всю ночь?

Ребекка щелкнула ее по носу:

— Чем меньше знаешь, тем меньше сплетничаешь.

— Ради бога, с чего ты взяла...

— Значит, ты не из пай-девочек?

— Разумеется, нет! — вспыхнула Белл.

— Это мы посмотрим. Ванная напротив. Потопишь. Она у нас одна на пятерых, и горячей воды может не хватить.

По стене вдруг пробежала ящерица длиною в фут и, помахивая хвостом, скрылась за шкафом, издав странный звук. Белл сдавленно вскрикнула от неожиданности.

— Они живут внутри и мешают спать по ночам, — со смехом пояснила Ребекка. — Добавь к этому насекомых покрупнее, чем на родине. Бывает, и белка в гости заглянет.

— Прямо в комнату?

Ребекка сбросила платье на пол и в нижнем белье улеглась в постель. Белл уже собиралась отправиться в ванную, когда соседка подняла голову.

— Волосы у тебя шикарные. Держу пари, это естественный цвет. В смысле, рыжина, — сказала она, после чего повернулась к Белл спиной.

Белл улыбнулась. Быть может, Ребекка еще окажется вовсе не дурна в качестве соседки.

Вчера, вскоре после ее приезда, мистер Фаулер, распираемый чувством собственной значимости, устроил ей экскурсию по отелю. Экскурсия началась с холла, стены которого были увешаны зеркалами. Кожаные диваны и стеклянные кофейные столики вдоль стен отражались в идеально натертом паркете. Оттуда они прошли в роскошную столовую, с лампами под светло-розовыми абажурами и пейзажами Бирмы на стенах. Помимо пейзажей, стены украшали портреты важного вида белых людей и их жен, сияющих драгоценностями. Столики уже были накрыты накрахмаленными полотняными скатертями.

Желая потрафить мистеру Фаулеру, Белл выразила восхищение. Она и впрямь была восхищена отелем и радовалась возможности здесь работать. Помощник управляющего продолжил экскурсию, сообщив, что в 1927 году отель был полностью перестроен.

— Разумеется, меня тогда здесь еще не было.

— А давно вы здесь служите?

— Не так давно. — Отметя ее вопрос, он продолжил рассказ. — «Стрэнд» — самый комфортабельный и современный отель Рангуна. У нас даже есть свое почтовое отделение и ювелирный магазин, принадлежащий торговому дому «И. А. Хамид и компания».

Интерьер следующего помещения был не менее привлекательным. Утром постояльцы отеля здесь завтракали, после полудня пили чай. Белл понравились плетеная мебель и элегантные столовые приборы. Обстановка здесь была более уютной, чем в помпезной столовой. По словам мистера Фаулера, своими чаепитиями они славились на весь город. В голосе помощника управляющего звучали нотки гордости.

— Иногда персонал может полакомиться кексами, оставшимися от посетителей, — с великодушной улыбкой добавил мистер Фаулер, словно это он заботился о пропитании персонала.

Он провел Белл по внушительным кладовым, показал столь же внушительную кухню с высоким потолком и комнатку, где обедали служащие отеля. Экскурсия закончилась в концертном зале, примыкающем к флигелю. Там же находилась артистическая, окна которой выходили в садик.

— Мы привыкли развлекать гостей гастролирующими оркестрами, танцовщиками и певцами. Соб-

ственный оркестр и труппа — нововведение, и мы пока не знаем, насколько оно окажется удачным.

— А в отеле останавливаются преимущественно англичане? — спросила Белл.

Заместитель управляющего кивнул:

— И шотландцы. Много шотландцев.

— Персонал отеля тоже состоит из англичан?

— Нет, конечно. На кухне работают индийцы.

И швейцара-индийца вы уже видели.

— И ни одного бирманца?

Фаулер покачал головой:

— Что касается бирманской прислуги, эти люди не любят работать.

— Совсем?

— На нас.

— Вот оно что, — удивилась Белл.

— Но в правительственных учреждениях полно других бирманцев. Образованных, классом повыше.

Все помещения главного здания отличались роскошным убранством. Когда Белл и мистер Фаулер вернулись в холл, она кивком указала на широкую лестницу, ведущую на верхние этажи и устланную бархатной ковровой дорожкой. Мистер Фаулер покачал головой:

— Там находятся номера с разным числом комнат, а также гостиные. Вам незачем туда подниматься.

И Белл тут же захотелось там побывать.

Поймав ее любопытный взгляд, помощник управляющего толкнул вращающуюся дверь и повел Белл в темный коридор. Пока шли, он взял ее за руку. Другая рука легла ей на плечо. Мистер Фаулер попытался притянуть Белл к себе, отчего она резко повернулась.

— Но у смышленной девушки время от времени появляется возможность побывать в пустующем номере... если вы поняли мой намек. Вы из таких смышленных девушек, мисс Хэттон?

— Сомневаюсь, мистер Фаулер. — Она попятилась от него.

Он наклонил голову и прищурился:

— А это мы посмотрим.

Поведение Фаулера не встревожило ее. Она и раньше встречала подобных мужчин.

Репетиции начнутся завтра, а сегодня время целиком принадлежит Белл. Наверное, ей дали освоиться в новой обстановке. Белл решила посмотреть город. Выйдя из отеля, она кивнула швейцару в чалме и почти сразу зажмурилась от жгучей пыли, висящей в воздухе. Она миновала пароходную контору, прихотливо оформленную почту с красными стенами, затем, передумав, развернулась и пошла в другом направлении.

Белл вдыхала густой воздух, насыщенный загадочными восточными ароматами. «Что же может так вкусно пахнуть?» — недоумевала она. Через несколько шагов она остановилась, слушая звон храмовых колоколов. Казалось, он доносился отовсюду. Улица, изобилующая рикшами, велосипедами, автомобилями и пешеходами, заставляла ее то и дело лавировать, чтобы ни с кем не столкнуться. Уши ловили обрывки разговоров на индийском, бирманском и, конечно же, английском. Бирманская столица была поистине многонациональным городом. Здешние индийцы выглядели энергичными и деловыми, китайцы, как ей показалось, только и мечтали что-то ей продать. Но самыми колоритными были бирманцы.

Белл проходила мимо мужчин, курящих короткие сигары. Увидев ее, они наклоняли голову. Женщины в безупречных одеждах из розового шелка отличались изяществом и какой-то кукольной красотой. Их волосы были убраны в тугий пучок, с неизменным цветком сбоку. Белл удивило, что лица женщин покрыты густой желтой пастой. Очарованная приветливостью их улыбок, она тоже улыбалась. Удивление вызывала и одежда бирманцев. Как мужчины, так и женщины носили юбки и короткие куртки. Белл уже знала, что этот тип одежды называется лоунджи¹, хотя женская версия имела больше складок на талии. Еще она заметила, что мужчины в большинстве своем носят розовые чалмы, а женщины часто прикрывают плечи полупрозрачными шелковыми шальями.

Белл шла дальше. Слабый запах сточных канав смешивался с пряными ароматами, исходящими от многочисленных торговых лотков и бродячих торговцев. Остановившись на перекрестке, она слушала грохот железных колес конных повозок, называемых гхарри, — этих старомодных ящичков на колесах. Удивительно, как на рангунских улицах прошлое уживалось с настоящим. Пройдя еще немного, Белл свернула налево и оказалась на Мерчант-стрит.

На всей Стрэнд-роуд и прилегающих улицах доминировали здания британской постройки, однако Белл жаждала увидеть что-то более экзотическое, нежели эти архитектурные памятники колониализма. Она повернула направо, прошла мимо вычурного здания Верховного суда, где, скорее всего, когда-то

¹ *Лоунджи* — национальная бирманская одежда, представляющая собой кусок ткани 200 × 80 см, который мужчины и женщины оборачивают вокруг тела.

работал ее отец. Она сделала еще один поворот и резко вдохнула, увидев то, что искала. Должно быть, это и была пагода Суле. По размерам она уступала пагоде Шведагон, которую Белл видела с корабля, но купол ее тоже сверкал золотом. Храм стоял в самом центре Рангуна, неподвластный повседневной городской суете. Белл остановилась, любуясь. Администратор отеля рассказал ей, что пагоде 2200 лет и эта святыня всегда была и остается центром общественной жизни города.

Белл смотрела на сверкающий золотом купол, манивший подойти ближе. Возможно, она бы и подошла, если бы не нестерпимая жара. Белл оглянулась по сторонам. Она вышла без шляпы и зонтика. Отгоняя назойливых мух, выющихся у лица, она искала место с прохладительными напитками. Чайные лотки, тянущиеся вдоль улицы, выглядели не слишком привлекательными. Тогда куда? Снова оглянувшись по сторонам, Белл вдруг заметила Глорию, выходящую из «Роу», большого кремово-красного универсама. Здание венчала угловая башенка. Вдоль верхнего этажа тянулись полукруглые балкончики. Окна, не имевшие балконов, были затейливо обрамлены. Окликнув Глорию, Белл помахала ей.

Глава 3

Диана, Челтнем, 1921 год

Наконец-то я получила письмо от Симоны. Я так рада, что готова танцевать и кружиться по комнате. Я думаю о ее добрых глазах янтарного цвета, светлых волосах и коже цвета сливок и персика. Как весело мы проводили с ней время в былые годы! Жена моего доктора и моя лучшая подруга времен жизни в Бирме. Увы, новости, сообщенные Симоной, печальны: ее муж, Роджер, умер, и теперь она возвращается в Англию, куда-то в Оксфордшир, что совсем неподалеку отсюда. Я сбегая вниз, беру из коридорчика садовые ножницы и плетеную корзинку и выхожу наружу. На мгновение подставляю лицо солнцу — мне нравится чувствовать солнечное тепло. Потом срезаю несколько роз для столовой.

Вспоминаю яркие цветы Бирмы и мою тамошнюю жизнь. Мою жизнь! Она была наполнена волнующими событиями и смехом. Коктейли, обеды и эти роскошные садовые вечеринки, длящиеся ночь напролет. Платье из парижского шелка приятно холодит кожу. Мой дорогой муж крепко обнимает меня, так

крепко, что я ощущаю себя какой-то особенной, неповторимой. Затем, выпив чересчур много шампанского, я смотрю, как легкий ветерок качает розовые и оранжевые фонарики на фоне темно-синего предрассветного неба.

Тот бирманский сад с ароматными цветами и широкими кронами деревьев, где на ветвях качаются обезьяны. Мы оба смеемся над ними, стоя в обнимку. Мы молоды — во всяком случае, я — и крепко любим друг друга. Мы отправляемся в наш уединенный уголок, где никто не увидит, чем мы займемся, и никто не узнает, как мой внешне суровый и педантичный муж испытывает ко мне такое желание, что у него перехватывает дыхание.

Я останавливаюсь как вкопанная.

Сад — запретная тема для мыслей.